

Мика Ляхтеэнмяки

Концепция социального расслоения языка в работах М.М. Бахтина и Л.П. Якубинского: к проблеме «влияния»¹

М.М.Бахтина нередко считали «неофициальным» мыслителем, который развивал свои лингвистические, литературоведческие и культурологические концепции в изоляции или даже в оппозиции к «официальной» советской науке. Соответственно, изучение взаимодействия между кругом Бахтина и представителями тогдашней лингвистики и философии языка, как правило, пребывало в тени и даже вообще оставалось без внимания. Существуют, однако, примечательные исключения из этой тенденции. Параллели между «Марксизмом и философией языка» В.Н.Волошинова и взглядами Л.П.Якубинского были отмечены А.А.Леонтьевым в его комментариях к одной из статей Якубинского². Более подробно вопрос о соотношении идей Волошинова и Якубинского рассматривается И.С.Ивановой³.

Лингвистические идеи Бахтина 1930-х годов рассматриваются в недавней специальной статье В.М.Алпатовой⁴. О возможном влиянии Якубинского на «Слово в романе» кратко упомянул К.Хиршкоп⁵, а детальное обсуждение данного вопроса можно найти в недавней статье К.Брэндишта⁶. Эти исследования наводят на мысль, что диалогическая концепция языка, разработанная Бахтиным и Волошиновым, была вовсе не уникальной и не противостоящей «официальной» лингвистике, но, наоборот, достаточно восприимчивой по отношению к идеям,

обсуждаемым в работах советских лингвистов того времени, в том числе к идеям Якубинского.

Что касается интерпретации бахтинских лингвистических воззрений, как они отражены в «Слове в романе», то изучение взаимодействия между Бахтиным и современной ему советской лингвистикой было затруднено частично из-за того, что к настоящему времени работа представителей советской социологии языка 1920–30-х гг. была практически затеряна в безвестности как в России, так и на Западе. Это объясняется главным образом тем, что после разоблачения марризма Сталиным в 1950 году, социолингвистические исследования, проведённые в ту эпоху, стали считать ненаучными, хотя они могли не иметь никакого фактического отношения к фантастическим идеям Марра. Связь между текстами Бахтина и соответствующим контекстом была в дальнейшем затемнена тем фактом, что его отсылки к работам современных советских лингвистов были по ряду издательских причин изъяты из опубликованных версий этих текстов.

Настоящая статья фокусируется на бахтинской концепции социальной и идеологической стратификации языка, выдвинутой в «Слове в романе». Цель статьи — изучить, какова степень взаимодействия между Бахтиным и Якубинским, а также исследовать характер возможного влияния Якубинского на социолингвистические взгляды Бахтина.

Якубинский и прото-социолингвистика в советских исследованиях языка

«Новое учение о языке» Марра стало официальной лингвистической доктриной в Советском Союзе с конца

1920-х гг. и продолжало доминировать в советской науке о языке до 1950 года, когда Сталин официально осудил марристские идеи⁷. Вопреки тому факту, что эра марризма может быть описана как «сумерки лингвистики»⁸, лингвистам, работавшим над вопросом о языке и обществе, удалось в начале 1930-х гг. прийти к оригинальным и плодотворным идеям о взаимосвязях языка и общества. Как недавно показал Брэндиш⁹, социологический подход ленинградской школы предвосхитил дальнейшее развитие собственно социолингвистики, которое имело место в США в 1960-е гг. Одним из самых выдающихся представителей ленинградской школы, несомненно, был Якубинский, который, вместе с Л.В.Щербой, первым в российской/советской лингвистике коснулся проблемы диалогической природы языка и языкового взаимодействия. Якубинский не только играл важную роль в формировании советской лингвистики в 1920–30-е годы, но и практически «руководил всей ленинградской наукой», возглавляя отдел научных учреждений в Ленинградском отделении главнауки с 1924 по 1927 гг.¹⁰. Важность роли Якубинского подчёркивается и Л.Р.Зиндером и Т.В.Строевой, характеризующими директора ИРКА (Института речевой культуры) как прекрасного организатора и глубокого лингвиста, который «всегда был полон оригинальных мыслей и находок, которыми охотно делился со всеми»¹¹.

Обширная работа Якубинского о социальной стратификации языка была впервые напечатана в серии статей, опубликованных в 1930–31 гг. в журнале «Литературная учёба». Интерпретация его взглядов затруднительна из-за самого характера этой публикации, поскольку «Литературная учёба» была не научным, а научно-популярным журналом, связанным с издательской программой Максима Горького, задачей которой являлось воспитание молодых

писателей в соответствии с принципами социализма. Следовательно, статьи Якубинского не были написаны для специалистов в области лингвистики, и он часто излагал свои воззрения в слишком упрощённой и акцентированной форме. В этом отношении они напоминают статьи Волошинова, которые появились в том же журнале, поскольку в обоих случаях изложение страдает от упрощённости и программного характера.

Начиная с середины 1920-х годов Якубинский увлёкся лингвистическими взглядами Марра и продолжал работать в рамках «нового учения о языке» почти до конца 1930-х годов¹². Якубинского едва ли можно рассматривать как простого попутчика марризма, оказавшегося под знамёнами марризма вместе с большинством лингвистов того времени, ибо он действительно следовал некоторым противоречивым идеям Марра в своих собственных лингвистических исследованиях. К тому же он принял активное участие в кампании против членов Языкофронта, написав статью «Против “даниловщины”» для сборника «Против буржуазной контрабанды в языкознании», вышедшего в 1932 году. В отличие от Марра, который утверждает, что грамматические структуры языка детерминированы социально-экономическими структурами данного общества, Якубинский не постулирует тождественность языковых и социально-экономических структур. Тем не менее он разделяет тот взгляд Марра, согласно которому язык является первой и важнейшей классовой структурой, т.е. частью надстройки, механически отражающей базис¹³. Якубинский считает, что социально-экономические формации того или иного общества детерминируют социальную дифференциацию в пределах общенационального языка, а не языковые структуры как таковые, как полагает Марр.

В своём предисловии к «Истории древнерусско-

го языка» Якубинского (1953) выдающийся советский лингвист академик В.В. Виноградов пишет, что, начиная с середины 1920-х гг. в работах Якубинского по изучению русского языка и его жанровых разновидностей «начинают ярко обнаруживаться признаки вульгарного социологизма и вульгарного материализма»¹⁴. Правда, Виноградов, сделавшийся директором Института лингвистики Академии наук СССР в 1950 году, был одним из тех, кто получил наибольшую выгоду от новой ситуации в советской лингвистике, и, таким образом, его критическое отношение к Якубинскому могло быть навеяно политическими обстоятельствами того времени. С другой стороны, оценка Виноградова кажется совершенно справедливой и оправданной, поскольку Якубинский действительно солидаризировался с некоторыми марристскими воззрениями, включая идею «классовости» языка (добавим к этому, что он ещё и разделял идею Марра о стадийном развитии языка и мышления, а также принимал палеонтологическую семантику последнего)¹⁵.

М. М. Бахтин: разноречие и разноразличие

Большая работа «Слово в романе» была завершена Бахтиным в 1934–35 гг. в казахстанском Кустанае. Несмотря на все свои усилия, он так и не сумел опубликовать эту работу в 1930-е гг., и, в конечном итоге, она появилась в печати лишь спустя сорок лет после её создания. Теперь нам известно, что рукопись «Слова в романе» была опубликована «с купюрами». То, что некоторые пассажи были при издании текста изъяты из рукописи, явствует из комментариев к рабочим записям Бахтина 1950-х гг.¹⁶.

Как пишет Бахтин, принципиальная цель этой

работы — «преодоление разрыва между отвлечённым “формализмом” и отвлечённым же “идеологизмом” в изучении художественного слова»¹⁷. По его мнению, этого можно достигнуть, только рассматривая стилистику романа с социологической точки зрения, которая заключается в изучении языка и слова как социального явления. Примечательно, что Бахтин отстаивал социологический метод уже в «Проблемах творчества Достоевского» (1929), утверждая, что литературное произведение «имманентно социологично»¹⁸. Согласно его «социолингвистической» позиции, язык не является единой и нейтральной системой языковых форм; язык необходимо увидеть в его стратифицированной социальной и идеологической конкретности, связанной с различными, часто конфликтующими, мировоззрениями. Эта мысль также фигурировала в ранней версии книги о Достоевском, в которой говорилось, что «каждой социальной группе в каждую эпоху свойственно своё ощущение слова и свой диапазон словесных возможностей»¹⁹. В «Слове в романе» Бахтин подчёркивает динамическую природу языка и рассматривает язык как постоянный процесс становления и борьбы центростремительных и центробежных сил. Следовательно, каждый национальный язык одновременно характеризуется и унифицирующими тенденциями, и устремлениями к стратификации и дифференциации.

Подчёркивая динамическую природу языка, Бахтин вводит понятия разноречие и разноязычие, чтобы обозначить социальную и идеологическую стратификацию национального языка. Разноречие апеллирует к сосуществованию множества различных борющихся «подъязыков» — т.е. социальных регистров, профессиональных жаргонов и т.д., — ассоциирующихся с определёнными идеологическими точками зрения. Разноречие противо-

стоит категории единого языка, кристаллизующейся «в реальном, хотя и относительном единстве господствующего разговорного (бытового) и литературного языка, “правильного языка”» (84). Для Бахтина социальная стратификация языка не является преимущественно лингвистическим феноменом, она обуславливается существованием множества разных идеологических кругозоров в пределах языкового коллектива. Из этого следует, что разноречие — в отличие от разноязычия — «может не нарушать абстрактно-языкового диалектологического единства общего литературного языка» (103), хотя различные социальные языки часто отличаются отдельными фонетическими, грамматическими и лексическими особенностями.

Разноязычие, в свою очередь, обозначает множественность языков, т.е. присутствие в пределах языкового сообщества многих диалектов и языков, отличающихся друг от друга определёнными лингвистическими признаками. Примером такого плюрализма языков является языковая ситуация неграмотного крестьянина, который молится Богу на церковнославянском языке, поёт песни на другом языке и разговаривает с членами своей семьи на третьем (108). Разноязычие может перейти в разноречие только в том случае, если различные языки (например, местные диалекты), отличающиеся определёнными лингвистическими признаками, начинают представлять особые идеологические точки зрения. Значит, языковой плюрализм станет разноречием, когда крестьянин наконец осознает, что языки, которыми он пользуется, не только разные языки, но также ассоциируются с разными идеологическими системами и подходами к миру, которые «противоречат друг другу, а вовсе не мирно покоятся рядом друг с другом» (109). По Бахтину, для языкового коллектива характерны разноречие и даже разноязычие,

а мысль о тотальной однородности и языковой монолитности общества нужно рассматривать как идеализацию. Он утверждает также, что носитель языка ощущает свой язык не как некий нейтральный инструмент, а как стратифицированный конгломерат борющихся идеологических точек зрения.

Концепцию разноречия и разноязычия, которую Бахтин излагает в «Слове в романе», часто рассматривали как его открытие и, соответственно, как неотъемлемый элемент «собственно бахтинской» концепции языка. В итоге анализ Бахтиным социальной и идеологической стратификации языка воспринимался как изобретение им социолингвистики уже в середине 1930-х гг. Такое представление, однако, представляется ошибочным, так как Бахтин развивал свой социологический подход отнюдь не в интеллектуальном вакууме. Напротив, общее направление его исследований, принятое уже в начале 1930-х гг., вполне согласовалось с развитием тогдашней социологической лингвистики, одним из ведущих представителей которой был Якубинский.

Л.П. Якубинский: речевой метод и разноязычие

Хотя Якубинский, как кажется, искренне симпатизировал идеям Марра, всё же существует значительная разница между взглядами этих двух учёных. Марр считал, что языки (диалекты), на которых говорят разные классы, — это различные языки, характеризующиеся их специфичными языковыми чертами, тогда как Якубинский настаивал на том, что фонетические, грамматические и лексические различия между различными языками (диалектами) в принципе несущественны для определения

классового характера языка. По Якубинскому, классовая специфика языка пролетариата проявляется не в его «формально-технической» или лингвистической стороне, а в особом способе использования языкового материала общенационального языка, присущего всем классам²⁰. Разные общественные классы развивают свои собственные «способы использования» одного и того же языкового материала и, следовательно, язык пролетариата отличается от языка других классов своим «речевым методом»²¹. Речевой метод воплощается «в способе использования общенационального языкового материала, в обращении с этим материалом, в способе отбора из него нужных для конкретной цели фактов, в своем отношении к этим фактам и их оценке»²².

Таким образом, по Якубинскому, общественные классы говорят на разных языках, которые различаются их специфичными речевыми методами, а не собственно лингвистическими признаками, как полагал Марр. Исследование Бахтиным социальной и идеологической стратификации национального языка имеет сходство с исследованием Якубинского, который представляет себе классовую специфику языка в ракурсе речевого метода, поскольку оба они отвергают идею Марра о том, что языки, связанные с различными общественными классами, следовало бы считать отдельными языками в строго лингвистическом смысле этого слова²³. Согласно Бахтину, «язык в каждый данный момент его становления расслоён не только на лингвистические диалекты в точном смысле слова (по формально лингвистическим признакам, в основном — фонетическим), но, что для нас здесь существенно, на социально-идеологические языки: социально-групповые, “профессиональные”, “жанровые”, языки поколений и т.п. <...> Социальное расслоение

также определяется прежде всего различием предметно-смысловых и экспрессивных кругозоров, то есть выражается в типовых различиях осмысления и акцентуирования элементов языка» (85, 103).

Бахтин интересуется не формальными чертами, отличающими разные языки друг от друга, а «интенциональной стороной» стратификации «общего языка». По его словам, «ведь расслояется и дифференцируется не нейтрально-лингвистический состав языка, а расхищаются его интенциональные возможности» (102). Бахтин идентифицирует разноречие с гетерогенным множеством мировоззрений, представленным различными языками, и, следовательно, социальная стратификация языка для него равнозначна сосуществованию различных борющихся идеологических точек зрения в рамках единого общенационального языка.

Бахтин также утверждает, что общий литературный язык является лишь одним из языков разноречия в языковом коллективе и к тому же расслаивается — в дополнение к социальной и профессиональной стратификации — на жанровые языки, имеющие различные «интенциональные возможности» (84, 101–102). Иначе говоря, он рассматривает национальный язык как стратифицированный конгломерат не только различных социальных и профессиональных языков, но и разных по функциям жанров, связанных с разными сферами жизни. Тем самым, Бахтин вступает в противоречие с разделяемым, например, Виноградовым взглядом, согласно которому литературный язык является общим для всех его носителей, а разнообразие языков можно объяснить существованием нелитературных форм, находящихся в оппозиции к литературной основе языка²⁴.

В своих работах о языке крестьянства, Якубинский

пишет, что разнообразие местных диалектов русского языка происходит от территориальной раздробленности и классовой закрытости, свойственных раннему феодальному обществу. В этом отношении язык крестьянства отличается от языка пролетариата, поскольку последний базируется на «включении в общенациональную языковую технику, которую буржуазия создаёт для себя, а пролетариат хочет использовать для себя»²⁵. По Якубинскому, противоречие между языком крестьянства и языком пролетариата, свойственное капиталистическому обществу, может быть преодолено только при социализме, так как лишь «диктатура пролетариата, цель которой уничтожение классов, снимет противоречие городского и деревенского языка»²⁶. Таким образом, Якубинский утверждает здесь, что устранение социальной дифференциации в обществе привело бы в конце концов к исчезновению диалектных различий в языке.

Что до языка пролетариата, то Якубинский считает, что русский язык рабочего класса в первые годы Советского Союза не представлял собой единого языка; рабочий класс подразделялся на внутриклассовые языковые группировки и, следовательно, характеризовался разноразличиями²⁷. Якубинский проводит различие между двумя типами разноразличия, присущего языку пролетариата. Во-первых, язык пролетариата отличается множественностью языков, обусловленным разделением труда. Этот первый тип разноразличия вырастает из различных профессиональных языков и проявляется на уровне словаря. По Якубинскому, внутриклассовые профессиональные группировки «не противостоят объективным интересам рабочего класса»²⁸. Второй тип разноразличия восходит к плюрализму языков, унаследованному пролетариатом от крестьянства. Этот тип разноразличия является результатом массового переме-

щения крестьян в города для работы на фабриках, из-за которого различные сельские диалекты появлялись в городских центрах. Второй тип проявляется на всех уровнях, включая произношение, грамматику и словарь, и несопоставим с первым типом, ограничивавшимся лишь лексическими различиями. Согласно Якубинскому, второй тип разноязычия навязан рабочему классу извне и не имеет перспектив в новом обществе, вследствие чего «остаётся на положении неприкаянного пережитка — кандидата в покойники»²⁹. Якубинский полагает, что в отличие от первого, второй тип разноязычия, т.е. сосуществование различных сельских диалектов в городах, противоречит объективным интересам пролетариата и потому должен быть ликвидирован.

Второй тип разноязычия приблизительно соответствует тому, как Бахтин использует этот же термин. Однако Бахтин считает множественность языков естественной чертой языковых коллективов, тогда как Якубинский заявляет, что внутриклассовую множественность языков, унаследованную от крестьянства, необходимо ликвидировать, так как это угрожает единству рабочего класса. С первого взгляда может показаться, что отмеченный Якубинским первый тип разноязычия, т.е. профессиональная дифференциация в рамках языка пролетариата, имеет близкое сходство с бахтинским рассмотрением разноречия. Однако здесь есть фундаментальное различие, и оно заключается в том, что бахтинская концепция разноречия включает в себя идеологическую дифференциацию, а разноязычие Якубинского, обусловленное внутриклассовым разделением на профессиональные группы, это совершенно исключает. По Якубинскому же, сосуществование различных борющихся речевых методов отражает идеологическую дифференциацию общества, а каждый речевой метод как

таковой по определению идеологически унифицирован. Несмотря на то, что внутри рабочего класса существуют различные профессиональные группы, пролетариат представляет собой идеологически единый класс, противостоящий другим классам буржуазного общества³⁰. Сходным образом язык рабочего класса представляет собой особый речевой метод, противостоящий речевым методам других классов; и единство пролетариата остаётся незатронутым внутриклассовой языковой дифференциацией.

В концепции Якубинского, который приравнивает язык и к классу, и к идеологии, идеологическая и языковая дифференциация причинно обусловлена классовой структурой общества. Якубинский пишет, что: «Различная классовая психология и идеология в классовом обществе непременно определяет языки различных классов, как различные языки, потому что язык не есть только технический способ выражения и сообщения мыслей и чувств, но прежде всего факт психологии и идеологии»³¹.

Якубинский полагает, что язык класса неотделим от специфичной идеологической точки зрения. Соответственно все члены одного и того же общественного класса разделяют эту специфичную идеологическую точку зрения и говорят на одном и том же «классовом» языке. Как представляется, Якубинский думает, что в бесклассовом обществе могли бы существовать внутриклассовые группы языков, но лишь один речевой метод, совпадающий с этой специфичной идеологической точкой зрения, потому что внутриклассовые группы языков пролетариата не угрожают его идеологическому единству. Якубинский утверждает также, что хотя для капиталистического общества характерна тенденция трансформировать публичную речь в общую для всех форму словесного взаимодействия, надежда иметь общий унифицированный язык, свойствен-

ный всем классам, остаётся мифом, поскольку конфликт, порождённый классовой структурой капиталистического общества, ставит пределы объединяющим тенденциям³². Невзирая на объединяющие тенденции и стремление к общему языку в капиталистическом обществе, общий и единый язык невозможен до тех пор, пока существуют разные общественные классы. Согласно Якубинскому, «тождество языка разных общественных классов данной нации — могло бы быть осуществлено лишь при условии уничтожения этих классов»³³. Таким образом, он полагает, что социальная стратификация языка производна от классовой структуры общества. Стало быть, в бесклассовом обществе был бы лишь один-единственный речевой метод вместо многих борющихся речевых методов.

Это явно противоречит позиции Бахтина, который заявляет, что «языки не исключают друг друга и многообразно пересекаются <...>. ...все языки разноречия, какой бы принцип ни лежал в основе их обособления, являются специфическими точками зрения на мир, формами его словесного осмысления, особыми предметно-смысловыми и ценностными кругозорами» (104).

Итак, Бахтин берёт социальную дифференциацию и разнообразие языков как вечный принцип, утверждая, что язык — это динамичное явление, постоянно меняющееся под воздействием соперничающих друг с другом центростремительных и центробежных сил.

К вопросу о возможном влиянии Якубинского на Бахтина

Несмотря на переключки в представлениях Бахтина и Якубинского о социальной стратификации националь-

ного языка, ссылки на работы Якубинского в опубликованном варианте «Слова в романе» отсутствуют. Однако в комментариях к рабочим записям Бахтина, напечатанным в пятом томе его собрания сочинений, сообщается, что из издания «Слова в романе» 1975 года были изъяты некоторые пассажи³⁴. В рукописи Бахтина, озаглавленной «Диалог II», которая была написана в 1952 году, когда «Слово в романе» ещё оставалось неопубликованным, имеется конспект этой работы. В этом конспекте мы обнаруживаем ссылку на статью Якубинского «О диалогической речи» (1923)³⁵, что свидетельствует о наличии в рукописи «Слова в романе» данной ссылки, которая была изъята из опубликованной версии работы. В то же время, как установлено, в рукописи «Слова в романе» не было никаких сносков на статьи Якубинского 1930–31 гг., хотя тематика этих политически корректных статей была гораздо более уместной в контексте размышлений Бахтина, чем ранняя работа Якубинского о диалоге³⁶. Кроме того, как выясняется, в «Слове в романе» Бахтин в положительном ключе упоминает даже о Марре³⁷ (и это ясно показывает, что он пытался связать своё исследование с тогдашними лингвистическими дискуссиями); отсутствие ссылок на статьи Якубинского, опубликованные в «Литературной учёбе», подталкивает к предположению, что Бахтин либо не знал этих статей, либо не считал необходимым на них ссылаться.

Сравнение бахтинского конспекта и опубликованной версии «Слова в романе» демонстрирует, что ссылка на статью Якубинского «О диалогической речи» с наибольшей вероятностью могла быть изъята из следующего пассажа опубликованной версии, в котором Бахтин оценивает мнения тогдашних лингвистов о диалоге³⁸: «Эта открытая установка на слушателя и на ответ в бытовом

диалоге и в риторических формах привлекала внимание лингвистов. Но и здесь лингвисты по преимуществу останавливались лишь на композиционных формах учета слушателя и не искали его влияния в глубинных пластах смысла и стиля» (93).

Кроме прямой ссылки на Якубинского, обнаруженной в рабочих записях Бахтина, предположение, что Бахтин действительно апеллирует в этом пассаже к статье Якубинского «О диалогической речи», подтверждается тем обстоятельством, что Якубинский преимущественно рассуждает о диалоге как о специфической композиционной форме, а семантические и стилистические (не говоря уже о философских) оттенки этого понятия находятся вне пределов его статьи.

По Бахтину (88–89), такие явления, как диалогическая природа высказывания и социальная стратификация языка, оставались «почти полностью» вне сферы внимания лингвистики и философии языка. Он признаёт, — не давая никаких ссылок, — что в последние десятилетия эти феномены начинают привлекать внимание лингвистов, которым, однако, не удалось осознать их широкое значение в различных сферах жизни слова. Бахтин (89) также обращает внимание на то, что лингвисты рассматривают взаимовлияние языков как «социально-бессознательные» процессы. Такая оценка современной Бахтину лингвистики должна быть сочтена не вполне корректной, если вспомнить о Якубинском. Рассматривая язык крестьянства, Якубинский настаивает, что приспособление крестьян к общему городскому языку — это, до определённой степени, сознательный процесс, в котором «неосознанный язык, язык в себе, он превращает в язык для себя»³⁹. Более того, в своей критике Соссюра Якубинский опровергает его тезис, согласно которому язык

не может быть изменён произвольно, и провозглашает, что сознательное вмешательство в жизнь языка вполне реально и вполне возможно⁴⁰.

Сравнение «Слова в романе» и текстов Якубинского обнаруживает, что обращение Бахтина к разноречию и разноязычию как разным проявлениям стратификации языка родственно взглядам Якубинского. Теоретические построения Якубинского, касающиеся социальной дифференциации языка, разделялись, к примеру, В.М. Жирмунским, чей взгляд на формирование национальных языков «в основном совпадает с положениями, выдвинутыми Л.П. Якубинским в 1930 г.»⁴¹. Таким образом, общее направление исследований Бахтина в начале 1930-х гг. согласуется с социологическим подходом ленинградской школы. Это значит, что распространённое мнение об оригинальности Бахтина и его концепции языка, разработанной в «Слове в романе», преувеличено и порождено недостаточностью наших знаний об интеллектуальном контексте советской лингвистики тех лет. Бахтин, критиковавший таких учёных, как В.В.Виноградов, Г.Г.Шпет, В.М.Жирмунский и Б.М.Эйхенбаум, за их воззрения на стилистику романа, как совершенно очевидно, не пытался полемизировать с социологическим подходом ленинградской школы. Это можно объяснять и биографическими фактами: «Слово в романе» было написано, когда Бахтин находился в ссылке, и поэтому он не имел возможности публично критиковать представителей «официальной» лингвистической науки.

Конечно, можно было бы гипотетически полагать, что Бахтин вообще не стремился публиковать свою работу, так как он не был готов адаптировать «собственно бахтинскую» концепцию языка к взглядам представителей «официальной лингвистики». Эта гипотеза, однако, ни на чём не основана. Как отмечалось выше, кроме статьи

Якубинского о диалоге, в рукописи «Слова в романе» упоминался также Марр (оба упоминания были изъяты при подготовке к печати). Это, по-видимому, обозначает, что Бахтин пытался соотнести свою работу с тогдашними лингвистическими дискуссиями в Советском Союзе. Далее, Бахтин предпринял некоторые усилия к публикации «Слова в романе». Так, в 1936 году он приезжал в Москву, показывал свою рукопись (чтобы посоветоваться относительно неё) М.И.Кагану; он хотел найти издателя для своей работы⁴². Из этого со всей ясностью следует, что лингвистические идеи Бахтина не могут оцениваться как «неофициальные» — в том смысле, что они были якобы диаметрально противоположны тогдашним советским лингвистическим штудиям. Такое впечатление было создано впоследствии произвольными редакторскими решениями об изъятии отсылок к работам советских лингвистов тех лет, и это мистифицировало проблему интеллектуального контекста лингвистических идей Бахтина.

Хотя бахтинский анализ социальной стратификации языка в «Слове в романе» несёт на себе очевидные следы знакомства с тогдашними достижениями советской социологии языка, было бы ошибочным заявлять, что Бахтин просто повторяет или безоговорочно принимает концепции Якубинского и других ленинградских лингвистов. Пусть исследование Якубинским социальной стратификации языка опередило своё время и предвосхитило позднейшее развитие социолингвистики, оно всё же не совсем свободно от «вульгарного социологизма», типичного для марристской эпохи. Будучи слишком механистичны и прямолинейны, представления Якубинского о «классовости» языка, как и об отношении между языком и идеологией, характерны для интеллектуального климата советской лингвистики 1920-30-х гг. Бахтин же,

напротив, отбрасывает идею классовости языка и никогда не отождествляет социальную стратификацию языка с социально-экономической структурой общества, тонко разбирая диалогическую природу взаимодействия различных социальных, идеологических и функциональных факторов разноречия. В отличие от Якубинского и других «ленинградских лингвистов» Бахтин сам не занимался социолингвистическим исследованием языка, а включил идею социального расслоения языка в свою диалогическую концепцию языка как установленный, общепринятый лингвистический факт. Таким образом, оригинальность его «социолингвистических» взглядов заключается не в открытии явления социальной дифференциации языка, а в диалогической интерпретации данного лингвистического факта. Согласно Бахтину, социальное расслоение языка не сводимо к социально-экономическим формациям данного общества, а сосуществование различных диалогически соотнесенных «языков» внутри одного языкового коллектива является всеобщим принципом, характеризующим все общества.

Что ещё отличает Бахтина, так это интерес к различным проявлениям идеи единого языка, осмысливаемым на метаязыке лингвистики, философии языка и стилистики, тогда как Якубинский рассматривает унифицирующие тенденции как социолингвистические феномены, характерные для капиталистического общества. Отчасти это обусловлено тем фактом, что Бахтин не обсуждает социальную стратификацию как лингвистическое явление *per se*, но применяет концепцию социальной, идеологической и функциональной стратификации языка к своему анализу романа, создавая новые перспективы в изучении стилистики романного дискурса. К тому же, в отличие от Якубинского, Бахтин ещё затрагивает те

аспекты концепции разноречия и разноязычия, которые существенны для теории значения. Согласно Бахтину (89–90), из социального расслоения языка вытекает, что «всякое живое слово не одинаково противостоит своему предмету», а «направленное на свой предмет слово входит в эту диалогически взволнованную и напряжённую среду чужих слов, оценок и акцентов». Таким образом, по мысли Бахтина, все высказывания внутренне диалогичны — в том смысле, что они не соотносятся напрямую с объективными предметами окружающей языковой среды, а с необходимостью апеллируют к предшествующим высказываниям, представляющим различные идеологические точки зрения и ценностные суждения.

Заключение

Сравнение текстов Бахтина и Якубинского делает очевидной проблематичность термина «влияние»⁴³. Несмотря на определённые терминологические и тематические параллели, крайне трудно указать, что именно может быть сочтено текстуальным свидетельством прямого влияния Якубинского на Бахтина. С одной стороны, точных ссылок на статьи Якубинского 1930–31 гг. нет, да и, как показано в данной статье, бахтинское понимание разноречия значительно отличается от выдвинутой Якубинским концепции речевого метода. К тому же идея социальной стратификации языка широко обсуждалась в конце 1920-х и в начале 1930-х гг., и это означает, что можно найти тематические и терминологические переключки и с другими текстами тоже. Чтобы проиллюстрировать проблематичный характер гипотезы о прямом влиянии, давайте приведём пассаж из статьи Бодуэна де Куртенэ «Язык и язы-

ки», появившейся на польском языке ещё аж в 1904 году: «Один и тот же племенной или национальный язык может играть роль языка государственного, административного, церковного, школьного, книжного, учёного и т.д. Различаются язык простонародный от языка “облагороженного”, возвышенного, язык народный от языка “образованного класса” <...> вырастают языки известных ремёсел, званий (например, язык актёров) и общественных классов, язык мужчин и женщин, язык различных возрастов <...>. В языке, или речи человеческой, отражаются различные мировоззрения и настроения как отдельных индивидов, так и целых групп человеческих»⁴⁴.

Здесь Бодуэн де Куртенэ обрисовывает два основных компонента бахтинского понятия разноречия, а именно: что национальный язык есть социально и функционально стратифицированное целое и что язык отражает мировоззрение индивидов или групп индивидов. Таким образом, можно предположить, что бахтинская концепция социальной стратификации испытала влияние Бодуэна де Куртенэ — прямо или через посредство Якубинского, одного из учеников Бодуэна. Однако и это предположение проблематично, потому что могут быть найдены столь же близкие переключки и с другими текстами. Например, мысль о том, что социальная дифференциация внутри общества отражается в языковой дифференциации, фигурировала в книге Р.О.Шор «Язык и общество» (1926): «...если язык есть явление социальное, если язык есть необходимая предпосылка и орудие социальных сношений, если среда, в которой и через которую сохраняется и передаётся язык, есть среда социальная, — то, очевидно, всякая социальная дифференциация должна находить себе отражение в дифференциации языковой <...>»⁴⁵.

В качестве другого примера можно назвать книгу

Жирмунского «Национальный язык и социальные диалекты» (1936), в которой мы находим следующий пассаж, очень напоминающий бахтинскую концепцию пониманием литературного языка и разноречия: «Рядом с языком господствующих классов, который является господствующим языком данного общества, мы находим другие социальные диалекты; разнообразные крестьянские говоры, мещанское просторечие, диалектически окрашенный язык рабочих. В основном, характерным признаком языкового развития капиталистического общества является его принципиальное двуязычие: единому языку господствующего класса (языку “общему”, “национальному”, “литературному” — по недостаточно прочно установившейся терминологии) противостоят территориально-раздробленные диалекты подчинённых общественных групп <...>»⁴⁶.

Как показывают эти примеры, различным аспектам социальной стратификации и дифференциации уделялось немалое внимание в российской/советской лингвистике. Поэтому вместо того, чтобы видеть в Якубинском главный источник социолингвистических воззрений Бахтина, я склонен считать статьи Якубинского 1930–31 гг. одной из составляющих того «климата идей»⁴⁷, который, в своей целокупности, и составляет соответствующий интеллектуальный контекст бахтинской концепции языка как разноречивого конгломерата диалогически соотносённых языков.

¹ Настоящая статья основывается на исследовании, проведённом при поддержке Академии Финляндии (грант №203553).

² См.: *Якубинский Л.П.* Избранные труды: язык и его

функционирование. М.: «Наука», 1986, с.200. Леонтьев здесь приписывает авторство книги «Марксизм и философия языка» Бахтину.

³ *Иванова И.С.* Концепция диалога в работах Л.П.Якубинского и В.Н.Волошинова (к вопросу о взаимосвязи) // *Язык и речевая деятельность*. Вып.3. М., 2000, с.285–304.

⁴ *Алпатов В.М.* Проблемы лингвистики в текстах М.М.Бахтина 1930-х годов // «Диалог. Карнавал. Хронотоп», 2002, №1, с.4–20.

⁵ *Hirschkop K.* Mikhail Bakhtin: An Aesthetic for Democracy. Oxford: Oxford University Press, 1999, p.123.

⁶ *Brandist C.* Bakhtine, la sociologie du langage et le roman. In: Sïriot, P. (ed.) *Le discours sur la langue en URSS a l'ÿpoque stalinienne (ÿpistÿmologie, philosophie, idÿologie)*. Cahiers de l'ILSL. 2003. 14, pp.59–83.

⁷ О посвящённой марризму дискуссии см.: *Thomas L.* *The Linguistic Theories of N. Ja. Marr*. Berkeley: University of California Press, 1957;

⁸ См.: *Сумерки лингвистики: Из истории отечественного языкознания*. М.: «Академия», 2001.

⁹ *Brandist C.* *The Origins of Soviet Sociolinguistics* // «*Journal of Sociolinguistics*», 2003, 7/2, pp.213–231.

¹⁰ *Леонтьев А.А.* Жизнь и творчество Л. П. Якубинского // *Якубинский Л.П.* Избранные труды: язык и его функционирование... , с.6.>

¹¹ *Зиндер Л. Р., Строева, Т.В.* Институт речевой культуры и советское языкознание 20–30-х годов // *Язык и речевая деятельность*. Вып.2. М., 1999, с. 210.

¹² Согласно Леонтьеву (Леонтьев А. А. Жизнь и творчество Л. П. Якубинского... , с.7), Якубинский заинтересовался лингвистическими построениями Марра уже в 1923 году. Однако Алпатов (*История одного мифа...*, с.82) подчёркивает, что публикации Якубинского до 1927 года не связаны с «новым учением о языке».

¹³ Эта идея встречается и в «Теории исторического материализма» (1921) Н.И.Бухарина, а также в работе «Основные вопросы марксизма» (1926) Г.В.Плеханова. Однако кто первым

высказал популярное в то время мнение о надстроечном характере языка, нам не известно.

¹⁴ *Виноградов В.В.* Проф. Л.П. Якубинский как лингвист и его «История древнерусского языка» // Якубинский Л.П. История древнерусского языка. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство министерства просвещения РСФСР, с.17.

¹⁵ *Якубинский Л.П.* К палеонтологии названий для «половины» // Языковые проблемы по числительным I. Ленинград, 1927, с.191–201.

¹⁶ *Гоготиивили Л.А.* Комментарии к тексту «Проблема речевых жанров» // *Бахтин М.М.* Собрание сочинений. Т.5. М.: «Русские словари», 1996, с.575.

¹⁷ *Бахтин М.М.* Слово в романе // *Бахтин М.М.* Вопросы литературы и эстетики. М.: «Художественная литература», 1975, с.72. Далее номера цитируемых страниц указываются в скобках.

¹⁸ *Бахтин М.М.* Проблемы творчества Достоевского. Л.: «Прибой», 1929, с.3–4.

¹⁹ Там же, с. 132.

²⁰ *Якубинский Л.П.* Классовый состав современного русского языка: язык пролетариата // «Литературная учёба», 1931, №7, с.31–32.

²¹ *Brandist C.* Bakhtine, la sociologie du langage et le roman..., p.69.

²² *Якубинский Л.П.* Классовый состав современного русского языка: язык пролетариата..., с.32.

²³ Бахтин часто использует слово язык, говоря о различных языковых формах разноречия.

²⁴ *Алпатов В.М.* Проблемы лингвистики в текстах М.М.Бахтина 1930-х годов..., с.9.

²⁵ *Якубинский Л.П.* Классовый состав современного русского языка: язык пролетариата..., с.31.

²⁶ *Иванов А., Якубинский Л.П.* Классовый состав современного русского языка: язык крестьянства // «Литературная учёба», 1930, №6, с.62–63.

²⁷ *Якубинский Л.П.* Классовый состав современного рус-

ского языка: язык пролетариата..., с.24–25; см. также: Brandist С. Bakhtine, la sociologie du langage et le roman..., p.70.

²⁸ *Якубинский Л.П.* Классовый состав современного русского языка: язык пролетариата..., с.24.

²⁹ Там же, с. 132.

³⁰ Там же, с. 132.

³¹ *Иванов А., Якубинский Л.П.* Классовый состав современного русского языка: язык крестьянства..., с.62.

³² *Якубинский Л.П.* Классовый состав современного русского языка: язык крестьянства..., с.92.

³³ *Иванов А., Якубинский Л.П.* Классовый состав современного русского языка: язык крестьянства..., с.62.

³⁴ *Hirschkop К.* Mikhail Bakhtin: An Aesthetic for Democasy..., p.123.

³⁵ *Бахтин М.М.* Диалог II // *Бахтин М.М.* Собрание сочинений. Т.5..., с.225.

³⁶ Отсутствие ссылок на статьи Якубинского 1930–31 гг. было подтверждено Николаем Паньковым, который в то время готовил третий том собрания сочинений Бахтина, состоящий из статей о теории романа (e-mail к автору, 29 октября 2003 года).

³⁷ О ссылке Бахтина на Марра впервые сообщил К.Хиршкопу Б.Пул (см.: *Hirschkop К.* Mikhail Bakhtin: An Aesthetic for Democasy..., p.123). Паньков подтвердил это в упомянутом выше письме к автору данной статьи.

³⁸ Правильность анализа была подтверждена Паньковым, сообщившим, что ссылка на Якубинского была изъята именно из этого пассажа рукописи (e-mail к автору, 5 ноября 2003 года).

³⁹ *Иванов А., Якубинский Л.П.* Классовый состав современного русского языка: язык крестьянства..., с.62.

⁴⁰ *Якубинский Л.П.* Ф. де Соссюр о невозможности языковой политики // *Якубинский Л.П.* Избранные труды: язык и его функционирование..., с.71–82.

⁴¹ *Жирмунский В.М.* Национальный язык и социальные диалекты. Л.: «Художественная литература», 1936, с.3.

⁴² *Каган Ю.М.* О старых бумагах из семейного архива

(М.М.Бахтин и М.М.Каган) // «Диалог. Карнавал. Хронотоп», 1992, №1, с.75.

⁴³ *Koerner E.F.K.* On the Problem of 'Influence' in Linguistic Historiography // *Aarsleff, H., Kelly, L., Niederehe, H.-J. (ed.) Papers in the History of Linguistics: Proceedings of the Third International Conference on the History of Language Sciences.* Amsterdam: John Benjamins, 1987, pp.13–28.

⁴⁴ *Бодуэн де Куртенэ И.А.* Язык и языки // *Бодуэн де Куртенэ И.А.* Избранные труды по общему языкознанию. Т.2. Москва: Издательство АН СССР, 1963, с.74, 79.

⁴⁵ *Шор Р.О.* Язык и общество. М.: «Работник просвещения», 1926, с.100.

⁴⁶ *Жирмунский В.М.* Национальный язык и социальные диалекты..., с.6.

⁴⁷ См.: *Koerner E.F.K.* On the Problem of 'Influence' in Linguistic Historiography...

г. Ювяскюля, Финляндия

Авторизированный перевод с английского Н.А. Панькова.